

СМЫСЛ ИСПАНСКИХ СОБЫТИЙ

Мы неустанно утверждали элементарную истину, 1) что с момента утверждения власти большевиков в СССР, по воле и методической работе последних, происходит в мире огромный процесс деления его на два враждебных лагеря — лагерь коммунистический и лагерь антикоммунистический;

2) что между ними не может быть мирного „сосуществования“, как говорили некоторые, прикидывающиеся наивными людьми политические деятели;

3) что все огромное богатство СССР, вся живая сила его населения, мускульный и умственный труд последнего огнем и железом выколачиваются для одной и единственной цели — для внесения морального разложения повсюду, для сеяния смуты и разжигания мирового пожара во имя установления диктатуры пролетариата во всем мире;

4) что все так называемые отступления и „зигзаги“ компартии, дававшие повод к преступным, с точки зрения мирового благополучия, разговорам есть всего лишь политический маневр, тактические мероприятия, шедшие на пользу все той же цели — мировой революции, что так цинично-откровенно было официально подтверждено на последнем 7-м конгрессе III интернационала;

5) что красная Москва есть источник заразы и смуты мира, страшная угроза для всего небольшого человечества и, не будь в 1918—20 годах сопротивления Польши на западе и даухлетнего „казачьего барьера“ на юге, красная волна уже тогда могла захлестнуть Европу, ослепленную своим необоснованным культурным иммунитетом от большевизма, усталую и расслабленную во всех отношениях после 4-х летней Мировой войны. Эта же красная волна через двенадцать лет снова могла захлестнуть Европу не родись ныне непреодолимый „немецкий барьер“ на победном пути русского большевизма.

К несчастью, здравый смысл, живой голос людей, не оторванных от грешной земли, на собственном горбе испытывавших чудовищную суть русского большевизма, безнадежно тонул в громком хоре мировых бездушных научных мумий, в тех или иных статьях международного права, в той или иной философской системе или политических доктринах, искавших оправдания большевицкому надругательству над всеми божескими и человеческими законами. По их старческому научному сквернословью выходило, что большевизм в России был неизбежен, как неизбежно его превращение, путем пресловутой эволюции, в нормальную демократию. Лишь бы не трогать большевиков!

Опять таки, к несчастью всего небольшого человечества, простым глазом видимое деление мира на два лагеря, многие старались не ви-

деть, в силу чего, до самого последнего времени, на мировой политической сцене активной действующей стороной оставались большевики пользовавшиеся всеми возможными и невозможными средствами для подтачивания и разложения изнутри небольшевицкого мира.

Понадобилась испанская резня, долго и методически подготавливавшаяся и, наконец, приведенная в исполнение агентами красной Москвы, III интернационала, чтобы только в некоторых кругах начали сознавать грозную красную опасность, нависшую над миром.

Испанская резня есть последняя ставка красной Москвы для завоевания Европы. Это есть „решающее звено подготовки трудящихся к предстоящим великим боям второго тура пролетарских революций“, — как читаем мы в постановлении УП конгресса III интернационала; это есть попытка „разрушить крепость капитализма и добиться победы социализма во всем мире . . . превращение их (постановление УП конгресса) в плоть и кровь миллионов трудящихся“, как говорил на том же конгрессе III интернационала сегодняшняя правая рука самого Сталина — болгарин Димитров.

Красный империализм, в своем поступательном движении на востоке наткнувшись на непреодолимое сопротивление Японии, на западе — на немецкий барьер, внутри переживая огромные политические и хозяйственные затруднения, желая укрепить свое положение новыми достижениями на западе, жертвой своей избрал Испанию, ныне купающуюся в горячей крови своих патриотов. Москва чувствует и понимает, что время перестало для нее работать. Видит, что период, когда она одна являлась активно действующей силой на арене мировой политики, отошел в область истории, что процесс деления мира на два лагеря уже закончился, что противная сторона, до сих пор ведшая себя пассивно, сорганизовалась и на сцене заняла подобающее ей место. И она поспешила, чтобы столкновение, могшее случиться на территории СССР, отвести в иное, испанское русло, чтобы чужими руками легче загрести жар.

То, что сейчас происходит в Испании, в миниатюре есть то, что должно случиться в мировом масштабе. Это есть неизбежное столкновение двух миров — коммунистического и антикоммунистического. И мы ни на одну минуту не сомневаемся, что как в испанском примере, так и в мировом масштабе, исход столкновения будет один: коммунизм, несущий с собой духовное разложение и материальную нищету, будет разбит. Мир успокоится, человечество облегченно вздохнет.

Что в Испании столкнулись два мира, две идеологии, а не простой бунт мятежных генералов, как твердят господа демократы, подтверждается тем, что симпатия и антипатия к испанским событиям происходят не по линии государств и народов, а именно по линии идеологии. Напрасно господа „законники“ упирают на законность мадридского правительства и на этом основании требуют поддержки Мадрида, в лучшем случае добиваются нейтралитета. Там, где орудует красная Москва, не может быть и речи о каких-то законах и морали. А в том, что там орудует Москва не может быть никакого сомнения. Лишь оголтелые лицемеры могут писать, что Москва искренно присоединилась к предложению Франции о нейтралитете в испанских делах. Ибо с первых же дней Москва приняла открытое и активное участие в испанских событиях: насильно обложила свое подневольное население „полупроцентным испанским налогом“ и ежедневно отправляют миллионы своим испанским агентам.

Сейчас по миру гуляют два термина „коммунизм“ и „фашизм“. По злой воле большевиков, последнему придан какой-то ругательный оттенок. С ищачим упрямством третьи противопоставляют им свою универсальную демократию. Мы ни те, ни другие и ни третьи. Мы просто за минимальную человечность и справедливость в человеческом общении. Как называется то наше скромное желание — мы не знаем. От коммунизма мы органически отталкиваемся. Пресловутой европейской демократии мы просто боимся, ибо она везде и всюду является прекрасным большевизмским трамплином кивласти. Так было в России, после „керенщины“; так было в Италии, где, не будь Муссолини, несомненно тризну справлял бы коммунизм; так было в Германии демократической, где не появившись настоящей власти, создан был бы красный европейский плацдарм, в демократической Чехословакии большую роль играют коммунисты; в социалистическо-демократической Франция количественно незначительная коммунист. партия играет доминирующую роль. Наконец, испанские демократы привели свою страну к сегодняшней испан-

ской резне. И мы говорим: Боже, упаси нас от такой демократии! Но мы и не фашисты по той простой причине, что, в сущности говоря, такого учения не знаем.

Сейчас, начиная от бездушного книжного старья и кончая сопливцем мальчишкой твердят, что в Испании бьются демократия и фашизм, а мы там видим борьбу коммунистического разгула с началом порядка и долга.

Если избиение мирного населения, убийства и издевательство над несчастными монахинями, уничтожение всех церквей, убийства служителей религии, выкапывание из могил священников и надругательства над их засохшими трупами и т. д. и т. п. называется демократией, то мы отказываемся от нее. Если, сь другой стороны, защита чести Родины, жертвенное служение своему Отечеству, чувства чести и долга, защита спокойствия и порядка называется фашизмом, то мы такого фашизма не боимся.

Повторяем, в Испании происходят не внутренние события, не очередной переворот правительства, а происходит столкновение огромной важности. Не даром сейчас все мировое внимание сосредоточено на испанской точке. Происходит не бунт генералов, а осуществление заранее подготовленного и детально разработанного плана красной Москвы. Не даром коммунистами распространялась географическая карта, где Франция и Испания обозначены советскими республиками, включенными в общий СССР.

Потому, поражение Мадрида будет в то же самое время и поражением красной Москвы, а всякое поражение Москвы, где бы оно ни произошло, несомненно приближает к нам час освобождения угнетенных народов СССР и несет успокоение мира. Этим должно определяться и позиция казаков-националистов во всех мировых событиях.

Да здравствует право и порядок!

Да восторжествует правда и честь!

Шамба Балинов. (фр.)

Д-р С. Федоров (ЧСР.)

Казачья нация.

(Сословие ли Казачество?)

Чем же является по своему существу Казачество?

В самый термин: казак, казачество, вкладывался и вкладывается обыкновенно различное содержание, в зависимости от времени и политических настроений. Для одних это было своеобразной профессией подобной промыслу, для других — личным переживанием военного свойства, для иных — историческо-этнической средою, третьи понимали и как военное сословие, четвертые — определяли как неразрывную часть крестьянства, пятые подвели казачество под какую-то политическую партию, следующие — как религиозный орден, иные говорят о казачестве как об этнографической смеси и т. д. и т. п.

И все эти определения для казачества, как такового, никакой исчерпывающей цены не имеют и иметь не могут. Такое разнообразие определений понятно, ибо периодические разнообразная проявления казачьего быта, на протяжении веков, не имеют

примеров и аналогий для сравнения их по признакам всеобщей истории.

Самый вопрос, что такое Казачество, можно рассматривать с исторической, этнографической, политической, социальной, догматической и иных точек зрения, но ни одна из них не исчерпывает всесторонне существенного признака Казачества.

Термин „Казачество“ сводится к одному обобщающему понятию, к такому понятию, которое совокупляет в себе все частичные признаки и тем определяет свою самодовлеющую сущность, как самобытной среды.

Для государственного сожительства Казачества и России, в известных условиях прошлой жизни, достаточно было определять казаков по тем признакам, которые соответствовали данному политическому или социальному положению Казачества в отношении России. Теперь этого не достаточно.